

модные развлечения. Например, в середине 1820-х гг. в доме надворного советника Петра Воеводского на Б. Молоховской улице во II части города швейцарский подданный Христофор Бертуд, принятый в кондитерский цех смоленских ремесленников, открыл первую в Смоленске кофейню, где продавал и кондитерские изделия [18, л. 36, 238–239, 277].

Итак, таковы наши весьма фрагментарные сведения о социокультурной среде городов российско-белорусского приграничья в первые послевоенные годы. Тема требует дальнейшего изучения, находки новых документов позволят ликвидировать ее лакуны и всесторонне изучить.

Список использованной литературы

1. Васильев, П. Дневник разным событиям // Край Смоленский. № 4. 2016.
2. Глинка, Ф. Письма русского офицера. 1815–1816. Т. 6.
3. Дневник священника Никифора Андриановича Мурзакевича. 1766–1834 гг. Смоленск, 2003.
4. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1 (1820). Д. 40.
5. ГАСО. Ф. 1069. Оп. 1 (1813). Д. 4.
6. ГАСО. Ф. 2. Оп. 14 (1815). Д. 623.
7. ГАСО. Ф. 1069. Оп. 1 (1820). Д. 40.
8. ГАСО. Ф. 1069. Оп. 1 (1825). Д. 64.
9. ГАСО. Ф. 1069. Оп. 1 (1828). Д. 78.
10. ГААСО. Ф. 1069. Оп. 1 (1829). Д. 79.
11. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1 (1815). Д. 14.
12. ГАСО. Ф. 2. Оп. 20 (1814). Д. 615.
13. ГАСО. Ф. 2. Оп. 20 (1819). Д. 1.
14. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1 (1838). Д. 307.
15. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1 (1814). Д. 3.
16. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1 (1815). Д. 5.
17. ГАСО. Ф. 2. Оп. 20 (1819). Д. 171.
18. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1 (1826). Д. 78.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1309. Д. 7.

УДК 37.011.3-051 «18/19»

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАРОДНОГО УЧИТЕЛЬСТВА СТРАН ЗАПАДА И БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Острога Валентина Михайловна

доцент кафедры истории Беларуси и политологии
учреждения образования «Белорусский государственный
технологический университет»;
кандидат исторических наук, доцент
(г. Минск, Республика Беларусь)

На основе анализа материалов педагогической журналистики рассматривается правовое положение сельских учителей западных стран и белорусских губерний России. Показана деятельность центральных и местных органов власти в формировании социального статуса педагогической интеллигенции.

«Учитель – не чиновник, не ремесленник, не машина, а художник», поэтому, как считали современники, ему должна предоставляться всевозможная полная свобода в деле воспитания и преподавания. «Его творчество не должно втягиваться в подчас до смешного узкие рамки, где все предусмотрено, взвешено, предопределено». Поэтому свободным художником он будет лишь при «полной своей независимости служебно-материальной и духовно-нравственной». Учащиеся и их родители не могли уважать педагогический персонал, «гибнущий от нищеты и забитости». Тяжелое материальное положение, систематическое голодание, «зависимость от всех и каждого, полный, бесконтрольный произвол всех, хотя бы микроскопическую власть имеющих... быстро охлаждали рвение тех многочисленных идеалистов и идеалисток, которые в юности мечтали принести посильную пользу народу и посвящали себя тернистому пути учительства» [2, с. 20]. В этой связи научный интерес представляет правовой статус сельских учителей различных стран второй половины XIX – начала XX в., а также мотивация их педагогической деятельности.

В Пруссии деятельность школьной администрации была построена на началах централизации. Она включала 4 ступени: 1. низшая – школьный комитет в селах и школьная депутация в

городах; 2. окружной инспектор; 3. правительственный инспектор; 4. министерство народного просвещения. Власть школьных комитетов была незначительна и ограничивалась только материальной стороной дела. Каждая школа имела в лице пастора своего инспектора, который следил за ходом учебно-воспитательного процесса.

Учитель считался правительственным чиновником. Его деятельность регулировалась подробными инструкциями и предписаниями, которые исполнялись «с полной точностью». Да и сами эти нормативно-правовые акты имели большое значение для защиты от притязаний населения и начальства, давали учителю основание для предъявления требований к местной общине (например, по снабжению школы необходимыми пособиями и др.). Так как в Германии «господствовали право, а не произвол», инструкции служили не только «средством для нападения (когда это выгодно), но и средством защиты». Вышестоящее начальство отличалось и знанием дела, и высокой культурой, поэтому учитель был «застрахован от налета какого-нибудь ревизора», некомпетентного и не знающего законов. Вместе с тем, к учителю могли применяться и «карательные меры» со стороны школьной власти всех уровней (местной, провинциальной и центральной): замечание, выговор, дисциплинарное наказание, временное отстранение от должности или увольнение.

Программы для школ (например, Баварии) предоставлялись в виде кратких основных положений или заданий по предметам и годам обучения. Выполнение программы, отбор материала и дополнительной литературы с целью расширения познаний учащихся по данному предмету зависели непосредственно от учителя. Следует также отметить, что и программы разрабатывались при участии учителей: на общих педагогических съездах каждый делегат имел право выступить и внести свои предложения. В обязательном порядке 2 раза в год проводились съезды всех «учащих» (не считая 4 дополнительных конференций для начинающих). Участие в таких мероприятиях было обязательным для педагогов с 30-летним стажем или имеющих возраст свыше 50 лет. Кроме обсуждения учебно-методических вопросов, инспекторы знакомили присутствующих с новыми нормативно-правовыми актами в сфере образования.

Учителя также имели право на организацию обществ (союзов) и участие в них. В 1871 г. был создан Немецкий учительский союз. К моменту своего 40-летия в 1911 г. число его членов превышало 120 тыс. чел., распределявшихся по 2916 отделениям союза. В начале XX в. союз располагал почти 50 печатными изданиями, большинство из которых – еженедельники [7, с. 15]. Учитель мог участвовать в работе местных органов самоуправления, «возвышать свой голос открыто в прессе», имел большое влияние при выборах в баварский ландтаг [6, с. 509, 511].

Существовали также некоторые правила, определявшие и личную жизнь немецких «учащих». Например, помощник учителя и младший учитель могли жениться только в том случае, если они имели капитал и имущество, которые давали доход, равный разнице между их и учительским жалованием. Учительницы не имели права выходить замуж. В своей жизни они должны были «стоять выше всяких подозрений в предосудительном поведении», иначе им грозило увольнение.

Народным учителям во Франции строго воспрещалось заниматься политикой и вмешиваться в борьбу партий. Но в своей педагогической деятельности педагоги не были подвержены вмешательству «посторонних властей» и всегда могли рассчитывать на защиту учебного ведомства. Французский учитель состоял на государственной службе (молодой преподаватель поступал в распоряжение министра просвещения). Его назначение, вознаграждение, условия труда и обязанности определялись государством, а не местной властью [4, с. 247].

В Австро-Венгрии закон защищал права народного учителя: они не могли быть уволены с занимаемой должности без суда и следствия (специальная резолюция должна была исходить от министра народного просвещения). Поэтому увольнение практиковалось крайне редко, да и на это нужны были весомые причины. Существовавшая правовая база определяла учителя в качестве члена местного училищного Совета или попечительства. Педагог мог исполнять обязанности депутата в парламенте, члена городского или общинного Совета, члена церковно-приходского общества и обязанности эксперта. Вместе с тем, было ограничено участие в политике, запрещалось

исполнять обязанности редактора политического журнала, а также служить в различных финансовых учреждениях. Дополнительные занятия на платной основе учитель мог проводить лишь с разрешения учебного начальства и в свободное время. Единственная должность, которая была совместима с его непосредственными обязанностями и разрешалась министерством, это должность регента в местной церкви [5, с. 62].

Современники отмечали, что в США профессия учителя, по сравнению с другими видами деятельности, не пользовалась должным почетом и уважением. Три четверти учительства составляли женщины. Характерной чертой американской системы образования было непостоянство, частые увольнения и перемещения учителей. Работая в начальных школах, они выполняли обязанности рассыльного при суде, заботились о созыве суда, в церкви пели на клиросе и читали псалтырь, преподавали в воскресной школе, звонили в колокол для созыва общественных собраний, заботились о школе, а также выполняли иные случайные обязанности. Положение педагогов больше зависело от «личных качеств и способностей, чем от законного признания и общественной роли» [3, с. 78].

В рассматриваемый период «учащие» царской России по своему социальному статусу имели права чиновников 14 класса. После приобретения учительского звания и определения на должность они пользовались установленными правами и преимуществами, которые предоставляла учительская служба. Учителя, вышедшие из податного сословия, освобождались от телесных наказаний, от всех натуральных повинностей, исключались из оклада подушных сборов (подлежали исключению из оклада и имевшие звание домашних наставниц или учительниц) и имели права на получение бессрочных паспортных книжек от учебного начальства. Кроме этого, учителя за успешное исполнение в течение 12 лет своих обязанностей по представлению Министерства Народного Просвещения получали звание личного почетного гражданина. Все учителя освобождались от действительной военной службы и зачислялись в запас, но при этом должны были послужить в своей должности не менее 5 лет. До выслуги этого срока они могли поступать для продолжения образования только в педагогические учебные заведения. «За 10-летнюю беспорочную и усердную службу» по представлению учебного начальства имели право на награждение серебряной медалью на Александровской ленте с надписью «За усердие». Сельские учителя освобождались от платы за обучение детей в министерских мужских гимназиях и прогимназиях (если занимали должности народных учителей в этом ведомстве), а также от внесения в списки присяжных заседателей и исполнения этих обязанностей [1, с. 125]. Вместе с тем, личность учителя находилась под строгим контролем со стороны дирекций, инспекций, местной полиции, священников, членов волостных правлений. На практике формировались два типа учителя: слуги власти и опоры консервативной идеологии, и нового, относительно независимого человека с передовыми социально-политическими и педагогическими взглядами.

Таким образом, нормативно-правовая база каждого государства в сфере просвещения находилась в стадии формирования. В педагогической прессе описывались случаи произвола и неопределенности, которые делали профессию народного учителя «весьма шаткою и непривлекательною», снижали престиж и мотивацию к занятию должности учителя. Изданные в течение рассматриваемого периода законы, указы, циркуляры, распоряжения, положения и другие акты определяли границы возможных и должных обязанностей, общих для преподавателей начальных школ, их правовой статус. Создавалась система правовых отношений при назначении учителей на работу, перемещении, выборах в органы управления, разрабатывались вопросы педагогического образования и материального обеспечения.

Список использованной литературы

1. Вессель, Н. Обеспечение и правовое положение сельского учителя / Н. Вессель // Русская школа. – 1892. – № 11. – С. 123–126.
2. Генкель, Г. Народное образование на Западе и у нас / Г. Генкель. – СПб.: Брокгауз-Ерон, 1911. – 153 с.
3. Новейшие педагогические течения на Западе // Русская школа. – 1917. – № 9–12. – С. 74–92.
4. Михайловский, Я. Т. Очерк современного состояния заграничной народной школы / Я. Т. Михайловский. – СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1881. – 251 с.

5. Страхова, М. Народный учитель в Венгрии / М. Страхова // Русская школа. – 1902. – № 5. – С. 59–67.
6. Обухов, А. Подготовка, положение и условия работы сельского учителя в Баварии / А. Обухов // Педагогический листок. – 1913. – Кн. 7. – С. 489–512.
7. Фармаковский, В. Немецкий учительский союз за сорок лет / В. Фармаковский // Русская школа. – 1912. – № 3. – С. 7–19.

УДК 94(47)

МОНЕТЫ КНЯЗЯ АНДРЕЯ МОЖАЙСКОГО

Перышков Дмитрий Николаевич
аспирант факультета истории, управления и сервиса
Государственного социально-гуманитарного университета
(г. Коломна, Российская Федерация)

Статья посвящена изучению монетного дела в удельном Можайском княжестве в период правления князя Андрея Дмитриевича, потомки которого окажутся в Великом Княжестве Литовском. Подробно рассматриваются особенности монетной чеканки и различные виды монет.

Длительное время вопрос о начале чеканки монет от имени Андрея Дмитриевича Можайского (1389–1432) оставался дискуссионным. В соответствии с общей концепцией Г.А. Федорова-Давыдова о развитии денежной чеканки в Московском великом княжестве, все князья, выпускавшие монеты со своим именем до 1399 года, были обязаны помещать на оборотной стороне имя хана Тохтамыша арабской вязью [4, с. 58]. Таким образом, выражалась вассальная зависимость русских князей от ханов золотой орды. Отсутствие данной надписи на монетах князей Андрея и Петра, позволяет предположить о том, что их чеканка монет началась не раньше 1399–1400 годов. Можно предположить, что именно в это время князья были отпущены в свои уделы своим старшим братом Василием, унаследовавшим великокняжеский престол. Эту мысль подтверждает и то обстоятельство, что великий князь заключил первые договоры с братьями лишь около 1401–1402 годах [2, с. 8].

Однако одна из последних находок дает полное основание утверждать, что чеканка монет князем Андреем Дмитриевичем началась в 1390-х годах. В 2009 году на территории Нижегородской области был найден Второй Спасский клад, предположительно сокрытый не позднее рубежа XIV–XV веков. Данный комплекс помогает определить тип ранних монет Андрея Дмитриевича. Ими оказались денга с изображением всадника в развивающем плаще, который едет вправо. Всадник колет копьем голову змеи, расположенную под ногами коня. На обратной стороне монет помещалась подражание арабской легенде, которая была заключена в фигурную рамку с «узлами счастья» с четырех сторон [2, с. 8]. Присутствуют и редкие экземпляры с изображением сидящего князя с мечом и кубком в руках. Данное изображение заключалось в прямоугольную рамку, которую обрамляла фигурная рамка с подражанием арабской легенде.

Нельзя не упомянуть об особенностях в изготовлении монет Андрея Дмитриевича. Изображение всадника с копьем переводилось на штемпели при помощи маточника, а круговая надпись, содержащая имя князя, «дорезалась» вручную. Благодаря данной особенности было создано несколько штемпелей лицевой стороны с полностью идентичными центральными изображениями, но с разными по начертанию и расположению букв круговой легенды. П.Г. Гайдуков утверждает, что данный маточник использовался при изготовлении лицевого штемпеля полуденег Можайского княжества. Из-за малого диаметра рабочей поверхности полуденегного штемпеля изображение всадника на нем обрамляет лишь точечный ободок, а легенда с именем князя переместилась на оборотную сторону [1, с. 47].

Маточник в монетном деле использовали только при чеканке монет великого князя Московского, а не в уделах. Можно с уверенностью утверждать, что ранние денги и полуденги Андрея Дмитриевича Можайского с изображением всадника с копьем на лицевой стороне чеканились в Москве, а над созданием штемпелей работали денженники великого князя. Такая чеканка была организована Василием Дмитриевичем с целью исполнений обязательств, изложенных в завещание отца.